

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ФОРМИРОВАНИИ УЗБЕКСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ*

М. Г. Вахабов

Среди историков Узбекистана долгое время существовало мнение, что до Великой Октябрьской социалистической революции узбеки не сформировались в нацию, а являлись лишь народностью. Сторонники этого взгляда отрицали зарождение капиталистических элементов в Средней Азии после присоединения ее к России, неправильно трактуя теорию Ленина и Сталина о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии. В последнее время получила широкое распространение другая точка зрения, согласно которой узбеки, так же как казахи и туркмены, еще до Октябрьской социалистической революции полностью сложились в буржуазные нации. Эту точку зрения отстаивал, в частности, А. К. Азизян в своей статье «И. В. Сталин о возникновении и развитии социалистических наций в СССР» («Вопросы истории», 1952, № 9).

Историки, придерживающиеся этого взгляда, переоценивают степень капиталистического развития народов Средней Азии. Мне представляется, что эти обе точки зрения не являются правильными. Рассмотрение конкретно-исторического материала показывает, что узбеки, как и другие народы Средней Азии, вступили в полосу национального оформления после присоединения Средней Азии к России, но к моменту Октябрьской социалистической революции процесс сложения их в буржуазную нацию еще не завершился.

При рассмотрении вопроса о формировании узбекской буржуазной нации следует руководствоваться известным положением И. В. Сталина: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. Общность экономической жизни, выражающаяся прежде всего в создании внутреннего национального рынка, есть категория капиталистического общества. Для образования внутреннего рынка необходимо территориальное разделение труда, которое коренным образом отличается от разделения труда между отдельными районами в период рабовладельческого и феодального строя, когда производство носило замкнутый характер, базировалось в основном на местном сырье, торговля средствами производства между районами отсутствовала. Территориальное разделение труда, порожденное капитализмом, создает специализацию не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Поэтому нельзя смешивать разделение труда между степными и сельскохозяйственными районами Средней Азии, которое существовало веками, с тем разделением труда, которое началось здесь с развитием капитализма. В. И. Ленин указывает, что при капитализме само земледелие превращается в отрасль хозяйства, производящую товары, и это создает специализирующиеся районы земледелия².

Некоторые историки, пытаясь доказать, что в Средней Азии существовал широкий внутренний рынок, ссылаются на значительное развитие хлопководства. Но они не рассматривают при этом структуру хозяйства хлопковых районов, не выясняют, создавалось ли в Средней Азии торговое земледелие, ограничиваясь общими данными об объеме производства хлопка.

* Сокращенный текст доклада, прочитанного М. Г. Вахабовым в январе 1954 г. на Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 296.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 16.

«Рост торгового земледелия, — пишет В. И. Ленин, — создает внутренний рынок для капитализма. Во-первых, специализация земледелия вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами. Во-вторых, чем дальше втягивается земледелие в товарное обращение, тем быстрее растет спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности, служащие для личного потребления; — тем быстрее, в-третьих, растет спрос на средства производства, ибо при помощи старинных «крестьянских» орудий, построек и пр. и пр. ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель не может вести нового, торгового земледелия. Наконец, в-четвертых, создается спрос на рабочую силу, так как образование мелкой сельской буржуазии и переход землевладельцев к капиталистическому хозяйству предполагает образование контингента сельскохозяйственных батраков и поденщиков»³.

Однако не все эти условия для образования внутреннего рынка были налицо в Средней Азии. Основным орудием производства продолжали оставаться кетмень, омач, урак и другие старинные орудия, при помощи которых нельзя было вести новое, торговое земледелие. Непосредственными производителями хлопка были чайрикеры, а не всецело зависимые от рынка наемные рабочие.

Один только объем производства хлопка не может свидетельствовать о наличии внутреннего национального рынка. Национальный рынок включает в себя внутренний рынок в сельском хозяйстве, в промышленности, рынок рабочей силы, рынок средств производства. Вот почему нельзя смешивать внутренний национальный рынок (категории капиталистической) с внутренней торговлей вообще. Это ведет к смешению капиталистических производственных отношений с отношениями докапиталистическими и к ошибочному выводу, будто общность экономической жизни полностью сложилась еще в докапиталистических условиях.

Другой важный признак нации — общность территории — также связан с определенным уровнем развития капиталистических отношений. В период феодализма земля того или иного народа распадалась на независимые, едва связанные между собой области. Эти области были отделены друг от друга различными законами, правительствами, таможенными пошлинами и т. д. Развитие капитализма ведет к слиянию всех этих областей и земель в одно целое, к сложению единой национальной земли как высшему выражению общности территории.

С возникновением капиталистического способа производства складывается национальный язык. Капитализм порождает необходимость образования единого, признанного всей нацией и пригодного для всей ее «земли» языка. Слияние диалектов в единый национальный язык обусловлено экономической и политической концентрацией данного народа. «Язык, — отмечает В. И. Ленин, — есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»⁴.

И. В. Сталин указывал, что образование национального языка происходит на определенной экономической базе⁵. Национальный язык выступает как средство общения между разными частями единой национальной земли. Формирование национального языка сопровождается выработкой общенационального языкового стандарта, закрепленного в литературе. Следовательно, национальный язык выступает как письменный язык. По своему словарному фонду и грамматическому строю он более развит, чем язык народностей, и выполняет более универсальные функции, подчиняя себе местные диалекты и говоры, объединяя одновременно научно-техническую терминологию, социально-политическую, бытовую лексику и профессиональный язык. Наличие такого языка является выражением общности территории и экономической жизни, возникающей на основе развития капитализма.

Этот же процесс обусловил появление такого признака нации, как общность психического склада, проявляющегося в общности культуры. Общность культуры

³ Там же, стр. 268.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 368.

⁵ См. И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М. 1953, стр. 13.

выражается в таких элементах культуры, как музыка, пение, изобразительное искусство, архитектура и т. п. Однако следует учесть, что в каждой национальной культуре имеется две культуры. И. В. Сталин отметил относительность понятия культурной общности буржуазных наций: «Единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает ещё изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма ещё можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьёзно говорить о «культурной общности» нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга»⁶.

Самобытность той или иной национальной культуры тождественна с общностью культуры как элементом нации только на заре капитализма. Самобытная культура каждого народа на каждом этапе развития человечества отражает данную конкретную обстановку, социальную среду, в которой она рождается. В культуре буржуазной нации проявляется капиталистическая действительность, со всеми ее противоречиями и антагонизмами, подобно тому, как в культуре социалистической нации отражается социалистическая действительность. Следовательно, рассматривая общность культуры, нельзя ограничиваться констатацией ее самобытного характера; необходимо определить, какие социальные условия жизни проявляются в этой культуре. Авторы, утверждающие, что узбеки, казахи, туркмены уже до Октябрьской социалистической революции вполне сложились в нацию, игнорируют исторический характер социальных процессов. Они не учитывают, что все элементы нации создавались исподволь, в докапиталистических условиях, смешивают эту потенциальную стадию наций со стадией уже сложившейся нации. Необходимо иметь в виду, что возникновение буржуазных наций — это не одновременный акт, а длительный процесс.

Определяя состояние экономики, культуры и быта народов Средней Азии до Октябрьской революции, Ленин и Сталин относят народы Средней Азии к числу народов, которые не прошли капиталистической стадии развития. При этом они учитывают не только, насколько вырос капитализм в количественном отношении, но и как глубоко он проник во все поры народного хозяйства и социальной жизни данного народа. В речи «О политических задачах университета народов Востока» И. В. Сталин отметил, что народы восточных окраин России достигли разных ступеней национального оформления: одни из них, например, Грузия и Армения, стоят на высшей ступени национального оформления, другие, например, Чечня и Кабарда, стоят на низшей ступени национального оформления, третьи, например, Киргизия, занимают среднее положение между этими двумя крайностями⁷. Мне думается, что такое «среднее положение» занимали и узбеки. Они не прошли стадию капиталистического развития, не достигли высшей ступени национального оформления, хотя и вступили в такую полосу. Конкретно-исторический материал подтверждает это.

Сложение внутреннего национального рынка в Узбекистане началось с конца XIX века. До этого времени между отдельными районами и городами Узбекистана не было постоянной и прочной экономической связи. В стране господствовали феодальные отношения. Сельское хозяйство было многоотраслевым, без наличия какой-либо специализации. Преобладала кустарная промышленность. Например, в 1883 г. из 3 664 промышленных предприятий, насчитывавшихся в Ферганской области, только 6 (кожевенный завод, винокуренный, два пивоваренных, водочный и хлопкоочистительный⁸) были предприятиями капиталистического типа. Остальные представляли собой типичные кустарные мастерские. В отчете ферганского военного губернатора содержится следующая характеристика этих предприятий: «Рабочие при закрытии отдельных предприятий всегда имеют возможность пристроиться к другим отраслям труда, тем более, что и самые занятия их у хозяев не носят характера постоянного, а они занимаются только в свободное от полевых работ время»⁹.

⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 328.

⁷ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 142—143.

⁸ Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, д. 324, л. 27.

⁹ Там же, д. 324, л. 29.

В Самаркандской области существовало 4 962 предприятия; из них только 15 вино-водочных заводов были предприятиями капиталистического типа. В 1885 г. в Ташкенте было 27 предприятий, в каждом из которых работало в среднем 10 рабочих¹⁰.

Характеризуя состояние торговли в Узбекистане в конце прошлого века, один из исследователей этого периода, С. П. Мансыров, отмечает, что торговля — «случайное подспорье при других занятиях, как, например, земледелие, а не специальное занятие»¹¹. О таком же характере рынка говорится в обзоре Сыр-Дарьинской области за 1885 год. Эти сообщения указывают на то, что слой торговцев — посредников между непосредственными производителями и потребителями — еще не сложился, каждый производитель был и непосредственным продавцом своего изделия. Торговля между отдельными районами находилась в руках купцов-феодалов.

Прослеживая процесс развития капиталистической мануфактуры в России, В. И. Ленин отмечал: «Преобладание ручного производства, существование массы мелких заведений, сохранение связи работника с землей, приковывание мастера к известной специальности, все это обуславливает неизбежно замкнутость отдельных промышленных округов мануфактуры; иногда эта местная замкнутость доходит до полной оторванности от остального мира, с которым имеют дело только купцы-хозяева»¹².

В Средней Азии следы такой экономической замкнутости были очень сильны. Они разрушались только под воздействием общероссийского рынка. Втягивание местного рынка Туркестана в общероссийский рынок способствовало быстрому росту капитализма в Туркестане. За 30—40 лет здесь появилось много промышленных предприятий капиталистического типа, стала исчезать замкнутость местных рынков, начали создаваться новые экономические и культурные центры, как Ташкент, Коканд, Самарканд. Увеличивалась торговля между отдельными городами и районами. Если в 1890 г. из России в Среднюю Азию вывозилось примерно 2 млн. пудов, а из Средней Азии в Россию — 4 448 тыс. пудов, то в 1914 г. вывоз из России дошел до 50 820,8 тыс. пудов, а из Средней Азии — 32 946 тыс. пудов. В денежном выражении вывоз товаров из России в Среднюю Азию в 1914 г. составлял 243 574 тыс. руб., а среднеазиатских товаров — 269 079 тыс. рублей¹³.

Рост товарооборота между Россией и Средней Азией свидетельствовал о прочном вовлечении Средней Азии во всероссийский рынок. Потребности российской промышленности в текстильном сырье, большой спрос на хлопковое волокно стимулировали развитие хлопководства в Средней Азии. Среди товаров, ввозимых в Россию, преобладающее место занимало хлопковое волокно. Перед первой мировой войной из 269 079 тыс. руб. стоимости вывозимых товаров из Средней Азии в Россию 213 500 тыс. руб., или 80%, падало на текстильное сырье, 27 млн. руб. — на сухофрукты и 18 млн. руб. — на кожсырье¹⁴. Сельское хозяйство Узбекистана начало специализироваться на выращивании хлопчатника, а промышленность — на его первичной обработке.

Производство сельскохозяйственных культур в отдельных районах Узбекистана показано в процентах в таблице (см. стр. 110)¹⁵.

Из этой таблицы видно, что значительная часть земельной площади была занята под разными зерновыми культурами (кроме того, зерно еще сеялось на богарных землях). Однако урожайность зерна была низка, и его продукция не могла удовлетворить внутренние потребности. На производстве риса специализировались Ташкентский и Самаркандский уезды, большое количество которого вывозилось в соседние уезды. Хлопок выращивали все уезды Ферганской области, ныне входящие в состав Узбекской ССР, и отдельные волости Катта-Курганского и Ташкентского уездов

¹⁰ «Обзор Сыр-Дарьинской области». Приложение к отчету военного губернатора за 1885 год. СПб. 1886, стр. 107.

¹¹ С. П. Мансыров. Базарная торговля в Самаркандском уезде. Справочная книга. Самаркандская область. Вып. VI. Самарканд, 1899.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 377.

¹³ «Статистический ежегодник ЦСУ Туркеспублики, 1917—1923 гг.». Т. II. Ташкент. 1924, стр. 37.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ «Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917—1920 гг.». Вып. I, II, III. Ташкент. 1925.

Уезды	Рис	Разные зерновые	Хлопчатник	Люцерна	Бахчи и огорды
Андижанский	17,5	33,7	34,9	8,6	2,3
Кокандский	6,7	51,4	34,9	9,1	4,7
Наманганский	8,4	55,9	23,1	4,5	2,0
Скобелевский	1,5	56,1	30,6	8,4	2,7
Самаркандский	21,0	53,5	7,7	11,3	2,9
Катта-Курганский	5,1	54,7	18,1	10,7	2,3
Джизакский	0,1	87,4	3,1	5,5	1,4
Ташкентский	35,6	28,4	16,9	12,3	1,6

В Бухаре и Хиве также намечалась специализация сельского хозяйства. В 1909 г. в Хивинском ханстве посевные площади хлопка и люцерны составляли 20%¹⁶. В Зеравшанской долине Бухарского эмирата посевы хлопчатника в 1908 г. достигали 16%¹⁷. Специализация сельскохозяйственных районов привела к обмену между отдельными видами торгового земледелия. Развитие товарного хлопководства в Туркестане способствовало созданию единого внутреннего рынка, в орбиту которого включались и другие отрасли сельского хозяйства, как производство зерна и риса, скотоводство.

Россия ввозила в Среднюю Азию не только товары, но и капиталы. В 1913—1915 гг. из России в Туркестан было направлено 313 млн. руб., из них 180 млн. руб. через кредитную систему были выданы в качестве аванса крестьянам-хлопкоробам под будущий урожай; 35 млн. руб. вложены в хлопкоочистительную и маслобойную промышленность; 80 млн. руб.— на строительство железной дороги; 18 млн. руб.— в горную промышленность¹⁸. Непосредственно в производство хлопка капитал не вкладывался: это было менее прибыльным, чем превращение его в ростовщический капитал при сохранении феодальной эксплуатации крестьян-хлопкоробов. Хлопковые фирмы выдавали ссуду так называемым посредникам, которые, в свою очередь, авансировали дехкан. При этом фирмы выдавали ссуду из расчета 8—9% годовых, а посредники, пользуясь своим монопольным положением в кишлаках, обычно давали аванс под будущий урожай с условием погашения его хлопком. Таким образом, посредники были и скупщиками хлопка. Их доходы, по свидетельствам самих царских чиновников, достигали 40—60%.

Так происходила консервация докапиталистических форм хозяйства и закреплялись феодально-ростовщические методы эксплуатации крестьян. Вместе с тем шел усиленный процесс дифференциации дехкан, росла нищета основной массы дехканства, создавался огромный резерв для формирования класса наемных рабочих. С 1901 по 1912 г. в Ферганской области, по решению судебных органов, крестьянам-должникам было предъявлено 43 656 исполнительных листов. Только в течение четырех лет (1909—1912) было зарегистрировано 996 случаев продажи земли крестьянами. В 1909 г. количество безземельных крестьян в Маргеланском уезде составило 22%, в Андижанском — 15%, в Наманганском уезде — 11%, в отдельных волостях Катта-Курганского и Ходженского уездов — от 17 до 30%¹⁹.

Безземельные крестьяне не могли найти себе работу; только часть их использовалась в качестве временных рабочих в хозяйствах кулаков; большинство же оставалось на своих прежних, даже проданных землях и превращалось в чайрикеро-издольщиков, которые, работая на земле нового владельца, за свои труды получали часть урожая. В кишлаках преобладали хозяйства, предпочитавшие применять труд чайрикеро-издольщиков, чем труд наемных рабочих. В районах Ферганской долины хозяйства, нанимавшие работников на определенный срок, составляли 19% от общего числа всех хозяйств; хозяйства, сдающие землю чайрикерам, достигали 23,6%; в долинно-степных

¹⁶ В. Лобачевский. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Ташкент. 1912, стр. 100.

¹⁷ К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. Отд. II. СПб. 1911, стр. 443.

¹⁸ Е. В. Бунаков. Развитие капитализма в Узбекистане. Докторская диссертация. Хранится в библиотеке Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент.

¹⁹ Там же, стр. 300.

районах соответственно — 12,8% и 35%²⁰. Эти данные свидетельствуют, что образование рынка рабочей силы в земледелии находилось еще в зачаточной форме.

Рост товарного земледелия обычно порождает увеличение спроса на новые средства производства. Но в Узбекистане в этом отношении сколько-нибудь существенных перемен не произошло. Орудия производства оставались теми же, что и десятки веков тому назад: кетмень, урак, омач, мала, буюнтурук и другие. Изготавливались они местными ремесленниками, специализировавшимися на производстве сельскохозяйственного инвентаря. Так, в Ферганской, Самаркандской областях и в Ташкентском уезде таких кустарей насчитывалось 3 915 человек²¹. Применение в хлопковых хозяйствах плуга, сеялки, бороны и других усовершенствованных сельскохозяйственных орудий было единичным явлением. Развитие товарного земледелия в Узбекистане еще не привело к расширению рынка средств производства земледелия.

В товарной продукции сельского хозяйства Узбекистана основную долю составлял хлопок-сырец. В 1913 г. из всей валовой продукции сельского хозяйства Узбекистана, выразившейся в 321 322 тыс. руб., на хлопок-сырец приходилось 127 705 тыс. руб., на зерновые культуры — 78 863 тыс. руб., на продукты животноводства — 50 812 тыс. руб., на продукты садоводства — 8 317 тыс. руб. и на виноградарство — 9 221 тыс. руб.²²

Хлопок-сырец почти полностью шел на рынок. Монопольным потребителем его были центральные районы России. Внутри Узбекистана хлопок не являлся предметом торговли. Остальная продукция лишь частично превращалась в товары и вывозилась в другие районы. Значительная часть сельскохозяйственных продуктов оставалась внутри хозяйства.

Между отдельными районами Узбекистана происходила торговля зерном и рисом. Перед первой мировой войной годовая потребность в товарном зерне во всех областях Туркестана и в Бухаре составляла 23 862 тыс. пудов, а собственное производство зерна не превышало 10 600 тыс. пудов. Разрыв между потреблением и производством товарного зерна частично покрывался излишками его в Самаркандской области. Многие районы Туркестана обеспечивались в основном своим зерном, как, например, Закаспийская и Сыр-Дарьинская области. За счет привозного хлеба жили Ферганская область и частично Бухарский эмират. Из 13 325 тыс. пудов зерна, необходимого для потребления, в Фергане производилось только 1 310 тыс. пудов, а вся недостающая часть зерна ввозилась из других областей Туркестана (5 705 тыс. пудов) и из России (6 310 тыс. пудов)²³.

Такие продукты сельского хозяйства, как шелк, шерсть, каракуль, сухофрукты, лишь в незначительной степени были предметами торговли между отдельными районами и областями Узбекистана, основная масса их в виде полуфабрикатов вывозилась в центральные районы России.

Развитие капитализма в области промышленности шло значительно быстрее, чем в сельском хозяйстве. На территории нынешнего Узбекистана находилось 425 промышленных предприятий с общим числом 17 959 рабочих, 524 крупных торговых заведений, из которых 278 принадлежало местным купцам. Из 327 хлопкоочистительных, маслобойных, кожевенных, мыловаренных предприятий 163 владели местные капиталисты²⁴. Примерно половина промышленных и торговых предприятий капиталистического типа находилась в руках местных капиталистов.

Приведенные данные свидетельствуют о зарождении промышленного капитала. Однако в целом в этот период капитализм в Узбекистане находился в стадии мануфактуры. Характерно, что из числа кустарей начали выделяться лица, прибегающие к эксплуатации подмастерьев и наемных рабочих. С другой стороны, значительная часть их, разоряясь, превращалась в резервную армию труда.

²⁰ «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане». Ч. I. Отд. I. СПб. 1911, стр. 402.

²¹ «Обзоры» Ферганской области за 1913 г. (приложение 11), Самаркандской области за 1908 г. (приложение 15), Сыр-Дарьинской области за 1914 г. (приложение XXX--XXXV).

²² В. М. Четыркин. Узбекистан. Самарканд, 1926, стр. 11.

²³ «Статистический ежегодник ЦСУ Туркеспублики, 1917—1923 гг.». Т. I. Ташкент, 1924, стр. 67.

²⁴ С. Р. Конопка. Туркестанский край. Ташкент. 1910, стр. 222—275.

У нас нет материала об общем количестве кустарей, об их имущественном положении и национальном составе. На территории нынешнего Узбекистана до Октябрьской революции было примерно 105—115 тыс. кустарей²⁵. Дореволюционная статистика давала сведения только о тех кустарях, которые имели мастерские и облагались промысловым налогом. В областных обзорах по Ферганской, Самаркандской областям и по Ташкентскому уезду таких кустарей было зарегистрировано 25 954 человека. В их мастерских, кроме самого хозяина, в среднем работало по одному работнику. Таким образом, всего в кустарных мастерских было занято 49 752 человека.

Конечно, среди этих мастерских были и более крупные. Однако в целом производство оставалось кустарным. Если предположить, что все наемные работники в этих мастерских были узбеки, то общее число наемных рабочих-узбеков в промышленности составит 35 000 человек (23 798 рабочих кустарных мастерских и 11 200 промышленных рабочих).

Развитие кустарной и местной капиталистической промышленности еще не имело существенного значения в экономике Узбекистана. Спрос на изделия промышленности был невелик, он ограничивался продукцией хлопководства, как масло, мыло, жмых, а также кондитерскими и кожевенными изделиями. Потребность внутреннего рынка в основном удовлетворялась изделиями кустарной промышленности. В 1913 г. стоимость всей промышленной продукции Узбекистана составляла 268 759 тыс. руб., из них 221 007 тыс. руб. приходилось на хлопковое волокно, 39 005 — на пищевкусовую продукцию, остальные 8 167 тыс. руб. приходились на стройматериалы, нефтепродукты и т. д.²⁶ Хлопковое волокно не являлось предметом широкого внутреннего оборота. Оно вывозилось в центральные районы России. Только продукция пищевкусовой промышленности шла на внутренний рынок.

Кустарная промышленность выпускала продукции на сумму около 60 000 тыс. руб., что составляло всего 22% промышленной продукции Узбекистана²⁷. Несмотря на значительный удельный вес капиталистической промышленности, она не оказывала решающего воздействия на экономику Узбекистана, являясь лишь придатком текстильной промышленности метрополий. В. И. Ленин по этому поводу писал: «...Капитализм в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее и быстрее и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане, в Египте и других колониях чистейшего типа»²⁸. Процесс обезземеливания крестьян и разорения кустарей шел в Узбекистане быстрее, чем промышленное строительство. Поэтому и в городах и в кишлаках образовалась огромная резервная армия труда. Об этом свидетельствует частное отходничество из городов в кишлаки. В 1911 г. было зарегистрировано 18 646 случаев отхода из города Ташкента в окружающие кишлаки и уезды, в то время как из Ташкентского уезда таких случаев было засвидетельствовано 5 460²⁹.

Из-за перенаселения в кишлаках крестьяне вынуждены были соглашаться на любые кабальные условия издольщины.

Отмечая факты разорения крестьян и кустарей, некоторые исследователи делают отсюда вывод о росте внутреннего рынка. Но они не учитывают того обстоятельства, что в этот период не все разорившиеся кустари превращались в наемных рабочих с достаточными покупательными возможностями и не все безземельные крестьяне становились сельскими рабочими.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в Узбекистане в этот период началось образование национального внутреннего рынка. Этому способствовало превращение крестьянского хозяйства хлопковых и частично зерновых районов в товарное. Но рынок средств производства и рабочей силы находился еще в зачаточном состоянии. В промышленности развивался капитализм. Однако основная продукция капиталистической промышленности — хлопковое волокно — не попадала на внутренний рынок, не расширяла его и не связывала отдельные районы в единое экономическое

²⁵ «Узбекистан». Пособие по изучению края. Узгосиздат. 1930, стр. 204.

²⁶ «Краткий статистический сборник УзССР», стр. 6—7.

²⁷ «Статистический ежегодник ЦСУ Туркеспублики, 1917—1923 гг.». Т. II, стр. 45, 46.

²⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 323.

²⁹ «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 г.». Ташкент. 1913, стр. 136.

целое. Только продукция пищевкусовой промышленности и кустарного производства удовлетворяла спрос внутреннего рынка.

В формировании внутреннего рынка важнейшую роль играла не местная промышленность, а промышленность центральных районов страны. Средняя Азия являлась для России не только источником сырья, но и широким рынком сбыта. В 1914 г. Россия ввезла в Среднюю Азию товаров на сумму 243 574 тыс. руб. Из них 100 млн. руб. приходилось на текстильные изделия; 51 млн. руб. — на продукты питания (в том числе 17 млн. руб. на хлеб); 16,5 млн. руб. — на лесоматериалы; 27,5 млн. руб. — на металлоизделия; 14 млн. руб. — на химические продукты; 12 млн. руб. — на топливные грузы. Среди ввозимых товаров первое место занимали текстильные изделия (40% ввоза), затем продукты питания. Те и другие товары целиком поступали на внутренний рынок. Если сравнить стоимость привозных товаров текстильной и пищевой промышленности (151 млн. руб.) со стоимостью тех же продуктов, поставляемых местной промышленностью и кустарным промыслом (100 млн. руб.), то первые примерно в 1,5 раза превысят стоимость местных товаров. Таким образом, товары, привозимые из России, выступали основными предметами торговли на внутреннем рынке.

Развитие российской торговли содействовало возникновению в городах и кишлаках Узбекистана крупных оптовых торговых фирм. Такие города, как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан и другие, начали превращаться в крупные торговые центры, в узловые пункты, связывающие окружающие районы с Центральной Россией. Таким образом, основным фактором формирования внутреннего рынка выступала торговля с Россией.

Однако только на основе обширной торговли привозными товарами нельзя утверждать о наличии широкого внутреннего рынка в этот период. Торговля связывала отдельные города с окружающими районами, но не создавала тесной связи между различными районами Узбекистана. Объектами торговли были в основном предметы личного потребления. Средства производства ввозились в незначительном количестве. В результате экономическая связь между Узбекистаном и Центральной Россией развивалась быстрее, чем внутри Узбекистана между его отдельными районами.

Существует мнение, что в определении степени формирования внутреннего рынка в Узбекистане нужно учитывать состояние не местного рынка в самом Туркестане, а общероссийскую обстановку. При этом указывают на значение строительства железной дороги, соединившей Центральную Россию со Средней Азией. Сторонники этой точки зрения утверждают, что раз во всероссийском масштабе существовал единый рынок и рынки Туркестана были связаны с ним, значит, и в Туркестане уже сложился внутренний рынок. Бесспорно, что в России давно сложился единый внутренний рынок, что русский капитал, втягивая Туркестан в товарное обращение, разрушая его замкнутость и нивелируя его местные особенности, создал себе в Туркестане источник сырья и рынок сбыта. Правильно и то, что строительство железной дороги играло огромную роль в развитии экономики края. Но это не означает, что у народов Туркестана уже установилась тесная экономическая связь, что произошло слияние местных рынков в единый рынок и тем самым оформилась общность экономической жизни этих народов. Торговля между отдельными местными рынками не сразу приводит к общности экономической жизни, как элемента нации. Для этого требуется определенный уровень развития экономических связей между разными районами.

Рассмотрим, какое значение имело для Узбекистана включение его местного рынка в общероссийский рынок (превращение первого в придаток второго). Основная продукция сельского хозяйства Туркестана — хлопок — направлялась в центральные районы России, минуя местные города. Поэтому крестьяне поливных районов экономически были слабо связаны с населением городов. Городская промышленность давала деревне небольшое количество предметов потребления. Поэтому и городское население было экономически слабо связано с сельским населением.

Связь местных рынков с общероссийским развивалась быстрыми темпами. Это имело большое значение для преодоления замкнутости отдельных районов Узбекистана и втягивания их в мировое товарное обращение. Однако это общение еще не являлось основой для сложения экономической общности узбекского народа, оно

только способствовало этому явлению. Такой важнейший процесс, как рост внутренних экономических связей между отдельными местными районами, шел медленно. Сложение общности экономической жизни в Узбекистане не достигло поэтому того уровня, когда ликвидировалась бы хозяйственная раздробленность узбекского народа и его разные части слились в одно национальное целое.

До сложения общности экономической жизни территория, занятая данным народом, независимо от того, разделена ли она несколькими государственными границами или входит во владение одного государства, не является единой национальной «землей». Каждая часть ее имеет свои экономические особенности, живет замкнутой жизнью. Единство народности в это время выражается в естественно выросшем «территориальном союзе» разных областей, «земель» и княжеств. Сложение общности экономической жизни сопровождается сложением территориальной общности. Все части территории данной народности начинают жить единой экономической жизнью, ликвидируется не только экономическая замкнутость, но и территориальная обособленность.

Присоединение Средней Азии к России привело в основном к ликвидации политической раздробленности Туркестана, прекратились феодальные междоусобицы. Это имело положительное значение для народов Туркестана, в том числе и для узбеков. Присоединение к России способствовало ускорению процесса сложения территориальной общности узбекской нации. Однако и после присоединения Средней Азии к России узбекский народ оставался разделенным на четыре части. В условиях господства царизма, проводившего жестокую колониальную политику, объединение территории, занимаемой всеми узбеками, не могло иметь места.

Некоторые авторы утверждают, что существование Бухарского эмирата и Хивинского ханства не оказало никакого отрицательного влияния на формирование узбекской буржуазной нации, так как бухарский эмир и хивинский хан являлись вассалами России, приняли российскую денежную систему; таможенный барьер между Бухарой, Хивой и Россией был ликвидирован. Однако, несмотря на все это, экономика и культура в Бухаре и Хиве развивались значительно медленнее, чем в Туркестане. Состояние народного хозяйства и культуры в Бухаре и Хиве почти не изменилось. Так, например, в течение всего колониального периода в Бухаре возникли всего лишь 32 мелких полукустарных промышленных предприятия³⁰, а в Хиве — 31³¹. Население Бухары и Хивы намного отстало от населения Туркестана. Существование этих государств, несмотря на их тесные политические, экономические и финансовые связи с Россией, отрицательно влияло на процесс формирования наций в Средней Азии.

Многие авторы игнорируют роль политического сплочения народа в ускорении формирования нации, хотя классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на то, что государственное сплочение народа играет определенную роль в формировании нации. В работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»³².

Политическое сплочение народа, являясь результатом его экономической общности, в свою очередь может ускорить процесс экономического и культурного объединения. Существование Бухарского и Хивинского ханств, несомненно, задерживало складывание единой узбекской буржуазной нации. В Бухаре и Хиве земля узбеков в значительной мере сохранила следы бывшей автономии отдельных племен, родов

³⁰ «Бухара в государственном хозяйственном плане 1923—1924 года». Старая Бухара. 1923, стр. 122.

³¹ С. Р. Конопка. Указ. соч., стр. 222—275.

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 368.

и владений. Она больше напоминала «территориальный союз», чем единую национальную землю.

В этот период даже в Туркестане не было еще чувства единства земли среди узбеков как отражения сложившейся общности территории. Статистические материалы 1910—1915 гг. свидетельствуют о разделении узбекского народа на сартов, узбеков, тюрков, кипчаков, кураму и т. д. Эти названия не были формальными. Они имели определенное значение для каждой группы. Даже переезд человека из одной части края в другой, из города в город, превращал его в «мусофира» («чужестранца»).

Вплоть до Октябрьской революции следы территориальной замкнутости были весьма значительны, развитие капитализма еще не успело сплотить всю землю узбеков в единое целое. Одним лишь объединением таможенной границы, финансовой системы и усилением внешней торговли нельзя было обеспечить это сплочение. Необходимо было развитие экономических связей между разными группами народа.

Чтобы определить степень оформления узбекской буржуазной нации, нужно рассмотреть также уровень развития узбекского языка.

Необходимость образования единого, признанного всей нацией и пригодного для всей ее «земли» национального языка порождается развитием капиталистического способа производства. В начале XX в. в узбекском языке произошли серьезные изменения, наметилось сильное сближение языка узбекской письменности с разговорным общенародным языком. Благодаря влиянию русского языка развивался также общенародный разговорный язык, усовершенствовалась грамматика узбекского языка. Значительно обогатился его словарный состав. Предметы, привозимые из России, принимались узбекским народом с их русскими названиями. Появляется книгопечатание.

Такие узбекские города, как Ташкент, Коканд, Андижан, становились крупными торгово-промышленными и административными центрами. На основе повышения их экономической и культурной роли в жизни узбекского народа усиливалось значение городских диалектов.

Чтобы диалекты ведущих в экономическом отношении городов или районов получили общее признание, они должны были лечь в основу литературы, периодической печати и через них воздействовать на местные говоры и диалекты, перемалывая последние. Этот процесс сложения единого национального узбекского языка, происходивший в недрах живого народно-разговорного языка, не завершился у узбеков до Октябрьской революции. Что касается языка письменности, то он отставал от этого процесса.

Начиная с 1905 г. в Узбекистане появляется джадидская периодическая печать. До февральской революции в Туркестане и Бухаре в разное время выходило 12 газет и 2 журнала. После февральской революции джадиды стали издавать еще 12 газет и 7 журналов. Язык этих газет и журналов был оторван от народного узбекского языка, не опирался на живой разговорный язык. Джадиды-пантюркисты пытались создать посредством своей газеты единый «общетюркский» язык для всех тюркских народов (узбеков, татар, казахов, туркмен, киргизов, башкир и др.). Тем самым они отрывали письменную литературу и периодическую печать от живого разговорного узбекского языка и препятствовали развитию и разработке его общенациональных норм.

Узбекский язык переходил от стадии языка народности к стадии языка национальности, но формирование узбекского национального языка еще не завершилось.

Наконец, необходимо отметить, что такой элемент нации, как сложение общности психического склада на базе капиталистического способа производства, сказывающейся в общности культуры, до революции находился у узбеков еще в зачаточном состоянии.

Узбекская буржуазная нация формировалась в период, когда общество уже раскололось на два враждебных лагеря: лагерь реакции во главе с империалистической буржуазией и лагерь революции во главе с пролетариатом. В эпоху империализма не могло быть и речи о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Положение В. И. Ленина о наличии в каждой национальной культуре двух культур — демократической и социалистической культуры, с одной стороны, буржуазной, реакционной культуры, с другой, — является непреложным фактом.

Буржуазная идеология и культура шли на смену феодальной идеологии и культуре, но они еще не могли господствовать в духовной жизни узбекского народа. Идеология узбекской буржуазии переплеталась с феодально-клерикальной идеологией и была проникнута идеями реакционного пантюркизма и панисламизма. Все это явилось идеологической основой складывавшегося буржуазного национализма (джадидизма).

Наряду с этим в национальной культуре узбекского народа крепили и развивались элементы демократической и социалистической культуры, которые росли по мере развития рабочего класса и усиления благотворного влияния передовой культуры великого русского народа. Демократическое и прогрессивное направление в узбекской литературе было представлено такими поэтами и деятелями, как Фуркат, Муками, Завки, Хамза и др. Прогрессивная демократическая культура, складывавшаяся в узбекской национальной культуре трудящихся, противостояла реакционной буржуазной культуре.

Наш общий вывод сводится к тому, что узбекский народ во второй половине XIX в. вступил в полосу национального оформления. В конце XIX в. начались преодоление феодальной замкнутости, ликвидация экономической раздробленности и на основе этого сложение единого национального рынка и единой национальной «земли». На этой основе шел процесс сложения узбекского национального языка. Усиление экономической, политической и культурной роли таких городов, как Ташкент, Коканд, Андижан и других, выдвигало их диалекты на первый план. Все это свидетельствовало о том, что происходит процесс национального оформления узбеков.

Таким образом, до Октябрьской социалистической революции узбеки не находились в полной разобщенности. Они уже достигли тогда известной степени национального оформления. Однако узбеки еще не сложились в буржуазную нацию. Процесс оформления узбеков в нацию завершился после Октябрьской социалистической революции, в условиях Советской власти. Но это уже была другая нация — нация социалистическая. Сложение общности экономической жизни узбеков завершилось в годы первой и второй пятилеток на основе развития социалистической экономики. Важным этапом в процессе территориальной консолидации узбекского народа явилось национальное размежевание народов Средней Азии и образование в 1924 году Узбекской ССР.

Коренные социально-политические, хозяйственные и культурные преобразования, происшедшие в жизни узбекского народа в советский период, завершили процесс национального оформления узбеков, привели к формированию их в социалистическую нацию.

Огромная братская помощь великого русского народа узбекскому народу в деле подъема его экономики и культуры и ликвидации его отсталости сыграла важнейшую роль в образовании узбекской социалистической нации.